

В ТВОЕЙ ГОЛОВЕ

ОЛЬГА ЦЕРЕПАНОВА

16+

Ольга Черепанова

В твоей голове

«Автор»

2020

Черепанова О.

В твоей голове / О. Черепанова — «Автор», 2020

Нормальность – какая она? Что прячут люди под своими масками? Что делать, если ты не такой, как все? Нужно ли это скрывать? И как оставаться мечтателем, когда вокруг – полный хаос? Эмоциональная история взросления молодой девушки, в которой травматические события прошлого переплетаются с жизненными ситуациями в настоящем, очень искренними и часто забавными, с которыми ежедневно может столкнуться каждый из нас. Книга на примере жизненного опыта главной героини и окружающих ее людей помогает понять и переосмыслить важные проблемы детей, подростков и взрослых людей. Ключевые вопросы, поднятые в книге: взросление, нормальность, эмоциональная свобода, ответственность, дружба, отношения отцов и детей, влияние детских психологических травм на взрослое поведение, семейные ценности и простое человеческое счастье.

© Черепанова О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

I	5
II	6
III	7
IV	10
V	11
VI	12
VII	13
VIII	15
IX	20
X	24
XI	25
XII	26
XIII	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ольга Черепанова

В твоей голове

I

...

Опять все смолкло.

Тишина.

Она нависла надо мной огромным черным монстром. Было так тихо, что я слышала, как шуршит грубое пуховое одеяло, поднимаясь и опускаясь от моего едва уловимого прерывистого дыхания. Казалось, что вдохни я на полмиллиметра глубже, этот звук услышат в соседней комнате. И все начнется сначала...

Они тебя услышат. Не дыши, закрой глаза и делай вид, что спишь. Не шевелись.

Господи, хоть бы они ничего не услышали.

Хоть бы этот раз был последним...

***

Три... два... один...

Она медленно открыла глаза.

Доктор Вайс говорит, что выходить из погружения нужно также медленно, как и входить. Состояние отвлеченного сознания способно вызывать любые воспоминания, заново проживать травматические события, с целью перепрограммировать реакции на них. При обычном бодрствовании они тихо дремлют в глубинах подсознания. Он называет это состояние трансом. У нее же это слово ассоциировалось с чем-то запрещенным, непристойным, поэтому она предпочитала более нейтральные выражения. Ведь она решилась на это все исключительно из благих целей. Восстановление последовательности. Возрастная регрессия. Гипермнезия. Название неважно. Важнее было то, что она чувствовала в этот момент. Это чаще всего не было приятно. Доктор учил ее контролировать это состояние. У нее пока это получалось плохо. Результатом искусственно вызываемых воспоминаний пока явилось только то, что они стали появляться не только на сеансах. Некоторые повторялись снова и снова. Она не знала, сколько это должно продолжаться до получения какого-либо положительного эффекта. Пока это только бередило старые раны и вызывало отчаянное чувство жалости к себе, маленькой девочке внутри взрослой женщины. Может, это часть терапии?

Первые сеансы были очень сложными. И в момент входа, и в момент выхода. Некоторые пережитые ранее и уже почти забытые воспоминания оставляли новые рубцы. Зачем это делать? Доктор Вайс считает, что этот способ поможет ей контролировать старые и новые переживания. Поиск травм, разбор первоисточника. А она доверяет доктору Вайсу.

Она вообще привыкла доверять людям.

II

...

Опять кровать и тишина.

На этот раз пауза была короткой. Из соседней комнаты снова донеслись крики. Они не были ужасающе громкими, скорее, были похожи на попытки докричаться до человека, которому нужно что-то срочно узнать, но который почему-то ничего не слышит. Но такого человека не было. Крики бросались в пустоту. Обвинения, угрозы, претензии. Обещания все бросить и уйти.

Уйди. Так будет проще.

Угрозы. Разводом. Местью. Повторяющиеся фразы. Угроза забрать детей ради нормального счастливого детства.

Разводитесь. Так будет проще.

«...С кем они останутся? ...Я не отдам тебе сына! ...А дочь останется со мной ...Она всегда по тебе с ума сходила».

Я останусь, я давно хочу этого, только, пожалуйста, прекратите.

Это звучало лишь в моей голове. Я бы никогда не произнесла это вслух. Я знала, что могу навредить еще больше, стоит мне только открыть рот и сказать что-то вслух. Я еще слишком мала, чтобы понимать такие вещи. Наверное. Брат, казалось, спал. Как он может?

Ты будешь молчать. Молчи.

– С кем ты хочешь остаться, если мы разведёмся?

– Я не хочу, чтобы вы разводились.

Это было сказано вслух. А про себя я уже давно выбрала нужную сторону.

III

За окном просыпался май.

Ее любимый месяц с того времени, как она себя помнит. Особенно первая его половина. Время, когда расцветает природа и восстанавливается душевное равновесие. Месяц, в котором на распускающихся деревьях свежая сочная зелень еще не покрывается летней пылью и сухими прожилками от жаркого солнца. Месяц, в котором ты можешь уехать на выходные из серого города, а вернуться через пару дней уже в зеленый. Время, когда ты понимаешь, что впереди еще целое лето, в котором наверняка тебя ждет что-нибудь особенное. Стоит только ему наступить, как неизбежно начинают тикать часики до его окончания. Это как дорога в аэропорт, когда ты направляешься в долгожданное путешествие. Ты едешь в такси, радуешься каждому светофору, понимая, что он всего лишь отмеряет отрезки к твоему бесконечному счастью. Может, не столь бесконечному, но все же такому долгому, ведь оно еще даже не началось. Но стоит тебе добраться до пункта назначения, сбросить дорожную одежду и выйти на первую прогулку, как ты с грустью начинаешь осознавать, что все это скоро закончится, и медленно отсчитываешь дни до обратной дороги.

Возможно, обратная ситуация наблюдается у оптимистов, которые обладают редким даром испытывать удовольствие от любого состояния – и от приветствия, и от прощания, и настолько рады приближающимся любым изменениям, что не успевают замечать, как пролетают годы.

Она была не из таких. Она любила ностальгировать.

Каждый раз, уезжая из места, которое ей понравилось, она мысленно с ним прощалась, как с близким другом. Переезжая из дома в дом, она старалась запомнить расположение узоров на обоях, чтобы сохранить приятные воспоминания об этом уголке, как части ее прежней жизни. Она не была занудной пессимисткой. Она бережно хранила воспоминания. Она без жалости выбрасывала надоевшие ценные вещи, но заботливо хранила ерунду, напоминавшую ей о событиях, щемящих сердце.

Так, к примеру, она хранит в неприметной серой коробочке на антресолях над платяным отсеком несколько безделушек. Иногда она их достает и подолгу разглядывает. Только девушки понимают всю важность этой бессмысленной чепухи. Первый в ее жизни романтический подарок, который ей сделал одноклассник в шестом классе на ежегодный женский праздник. Этот мальчик ей очень нравился. Она не могла поверить своему счастью. Это была цепочка с кулончиком в форме сердечка, который сейчас уже проржавел от времени, но в котором по законам жанра можно было носить две фотографии. Кого она, интересно, должна была туда вставить? Любого прыщавого мальчишку, в которого она могла влюбиться в течение ее юности? Или это было бы предательством? Может, ей стоило ждать именно этого курносого парнишку, который дрожащими руками вручил ей кулон в школьном автобусе, прямо на своей остановке, чтобы, видимо, исключить вероятность неловких разговоров? Он выскочил тогда, как ошпаренный. Она не дождалась продолжения. За этим подарком ничего не последовало. Ее перевели в другую школу через три месяца. А он остался там. В прошлой жизни. Позже, пару раз, уже учась в другой школе, она звонила ему, и бросала от страха трубку, потому что не знала, что нужно говорить в таких ситуациях. А однажды он вдруг перезвонил, так как у него, видимо, была кнопка повтора последнего номера. И это было так наивно и так глупо. Она сказала “– Алло?”, поняла, что это он, и бросила трубку. Какая же ты была дуручка. Не то, что сейчас. Сейчас ты бы, конечно, спросила, что означал его подарок и когда он уже позовет тебя на свидание, несмелый трусишка. Но, может, сейчас бы он тебе и не решился ничего подарить, ведь ты изменилась. Возможно, ему нравилась именно твоя наивность. Сейчас там было пусто в обеих половинках.

Ей было приятно размышлять об этом.

Еще там лежала обшарпанная зеленая тетрадка с написанными ею стихотворениями, которые она написала в седьмом классе под впечатлением от своей первой большой неразделенной и, как ей тогда казалось, вечной любви. Она никому и никогда бы его не показала, даже под страхом четвертования. Этот метод казни всегда казался ей самым ужасным из всех зол, которое можно причинить живому человеку. Тайные стихи, со всей полнотой юной влюбленности к своему предмету обожания, со всем отчаянным непониманием, почему так несправедлива жизнь, почему ее семья вынуждена постоянно переезжать с места на место, и почему ее родители постоянно ругаются. Некоторые стихи были настолько длинные, что тянули на мини-поэмы. На полях были нарисованы завитушки синей ручкой, а между строчками иногда попадались цветочки. Будь она посмелее, она бы оформила эти душищипательные строки в записку, разрисовала бы цветными чернилами, украсила сердцами, пронзенными стрелой, и отправила бы их своему воображаемому рыцарю. Но, о Боже, это невозможно. Никогда. Даже сейчас она краснела, когда только брала в руки эту тетрадку, не говоря уже о чтении вполголоса под розовой лампой ночника. Она перечитывала эти наивные строчки и переносилась, улыбаясь, в свои тринадцать лет. Это воспоминание было приятным и естественным, доктор Вайс наверняка бы его одобрил, если бы узнал. Но он не узнает. Это только ее секрет.

И еще там бережно хранился сложенный вчетверо и вышарканный на уголках портрет, вырванный из популярного в нулевые годы журнала о поп-звездах. У нее раньше их было очень много, они висели в ее каморке и прикрывали собой убогость обстановки. Сохранился лишь один, и потому этот образ был самым любимым. Лысый рэпер в темно-синей бейсболке, с прищуренным взглядом и множеством татуировок. Вот это жизнь! Он мог делать все, что хочет! Он был свободен! Он был богатым, знаменитым и одновременно бандитом. Почему-то все время пел, если конечно, рэп можно назвать пением, про проблемы с законом. Тогда еще не было доступного интернета, и у нее не было возможности узнать, почему за ним гонялась полиция, и почему они никак не могут его поймать, ведь он всегда на публике и у него так часто бывают концерты. Но этот факт окружал его ореолом таинственности и еще большей брутальности, ведь с ним можно было в мечтах убежать, как в истории про Бонни и Клайда, и, скрываясь от общественности, наслаждаться романтическими приключениями. Пока влюбленных не обнаружат и не разлучат злые завистники и недоброжелатели.

Она засмеялась. Она верила в это в свои тринадцать. Верила, что он увидит ее на улице серого города и заберёт ее с собой. От всех. Интересно, как бы он оказался на наших улицах? Наверное, скрывался бы от международной полиции, как же еще. А она бы его спрятала. Ну, или, может быть, они могли встретиться на концерте. Обязательно увидит, влюбится и заберёт. Ведь она его так любит. А любовь – она же всегда взаимная и всегда реальная, неважно, кем повезло или не повезло быть твоим избраннику. Сказать по правде, она и сейчас в это верила. Только больше не развешивала плакаты рэперов по своей квартире, а представляла в мечтах, как ее избранник с лицом голливудского актера и торсом олимпийского спортсмена разглядит ее в толпе и они сбегут по классическому сценарию. Только надо не пропустить момент встречи. Это всё, что от нее требуется. Главное, никому не говорить, а то сочтут за чокнутую.

Она снова засмеялась.

Иногда кажется, что ничего в жизни сильно не меняется и каждый новый день похож на предыдущий. Но оглядываясь далеко назад, можно увидеть и даже почувствовать, как сильно ты изменился. Или не сильно. Привычка скрывать свои настоящие чувства идет с нами рука об руку на протяжении всей жизни, и мы настолько к ней привыкаем, что это кажется нам естественным и единственно правильным вариантом. Но наши надежды, наши страхи и наши мечты – часть нас, нашего мировосприятия, и как бы тщательно мы не пытались скрыть это от окружающих, в редкие минуты откровенности с самим собой это все равно всплывает на поверхность.

Убери это обратно. Спрячь. Вдруг кто-нибудь увидит.

IV

Вздрыгнула. Раздался резкий звук. Звонок. Нет, не дверь. Это мобильный.

Надо было отключить его еще утром.

– Привет, дорогая! У тебя есть пара минут?

Это означало, что можно было отбросить все свои дела примерно часа на два. Звонила ее подруга, с которой они в свободное время могли часами обсуждать проблемы глобального и не очень масштаба. Она работала гравировщицей в маленькой, но очень знаменитой в их местности ювелирной компании. Вырезала каллиграфическими шрифтами в цветочек на помолвочных и обручальных кольцах инициалы счастливых влюбленных. А в свободное от основной работы время занималась масляной живописью. И продавала свои работы. И любая творческая чепуха, за которую она бралась, у нее превращалась в любимое хобби и стабильный источник дохода. Однако в личной жизни был полный хаос. И если на разговор требовалась «пара минут», значит, произошла очередная катастрофа на личном фронте.

– Конечно. Чего новенького? Но хочу тебя сразу предупредить, что мой единственный выходной сегодня расписан по минутам, и мы должны уложиться хотя бы в час. Чтобы я потом не сожалела о том, что ничего не успела.

Грубьянка. Разве можно так говорить людям. Вдруг у нее действительно что-то важное.

Как определить действительно важное от мощного потока неважного в нашей жизни? Различия во взглядах, например, между суеверным человеком и глубоким атеистом настолько огромны, что даже если у первого одновременно случится девять из десяти его самых кошмарных предубеждений, и он уверует в то, что с десятым наступит конец света и захочет попрощаться с самыми близкими, один из которых, к несчастью, оказался атеистом, захочет ли последний его выслушать? И насколько важным в принципе являются проблемы других людей в свете наших собственных забот? Если дело не касается нашей безопасности, нашего благосостояния, или наших интересов – какая шкала является мерилем времени, достаточного на чужую проблему?

Мы придумали даже специальные инструменты для распределения дел по важности и срочности. Матрица Эйзенхауэра, к примеру. Хороша, говорят, в условиях офисной многозадачности. Но работает ли она вне рабочего графика, где трудно спрогнозировать результат от ее применения? И если все пожиратели времени структурируются по принципу субъективного деления и субъективно ожидаемых результатов, это ли не противоречие объективности?

Она любила Гравировщицу. И всегда ее слушала. Даже если не всегда понимала. И сама часто ей плакалась в минуты уныния. Это потрясающее чувство, когда тебя слушают. Именно поэтому, несмотря на вынесенное предупреждение, они и в этот раз проговорили два с половиной часа и в миллионный раз выяснили, что Гравировщице не стоило так вести себя с ее парнем, и что их отношения, скорее всего, обречены на провал. Но можно попробовать спасти их. Если она сделает это и это. Ну, или хотя бы попробует сделать, потому что это так сложно. И обстоятельства часто складываются так, что мы не можем вести себя так, как стоило бы повести себя мудрому человеку. Даже если знаем, как надо было. Оставим исключительную особенность вести себя исключительно мудро в любой ситуации Далай-Ламе и его последователям. Мы просто люди. У нас у всех есть право на ошибку.

У тебя его нет.

V

...

«...Она опять ходила во сне... ..Опять? ...Почему она это делает? ...Откуда я знаю. ...Пыталась снять щеколду и выйти во двор. Не дотянулась. Запнулась, что-то упало... От этого он проснулся, пошел за ней и испугался. Заплакал. В темноте это выглядело жутко... Бедняга, надо ему сказать, что это нормально».

Это не нормально.

«...Он сказал ей, чтобы не пугала его и вернулась в постель. Она его не слышала. Он разбудил меня. ...В прошлый раз она просто стояла у окна. И держала в руках куртку. Она пугает его... ..Что с ней происходит?»

Что с тобой не так?

«...Может, надо ее кому-то показать? ...С такой ерундой по врачам не ходят. ...Это все из-за тебя ...Может, из-за полнолуния? ...Причем тут полнолуние, ты тоже съезжаешь? ...Это повторилось уже третий раз за месяц. Говорят, это опасно. ...Некоторые пытаются залезть на крышу и сброситься оттуда. Или выходят раздетыми и замерзают в сугробе. ...Да чем меньше мы об этом говорим, тем скорее это пройдет. Она еще мала, она не сможет выйти».

А если сможешь?

Они думают, что я их не слышу. Или будто я не понимаю, что говорят обо мне. Они всегда так думают. И всегда так делают. Как о неживом предмете. Я не хочу все это слушать.

Им наплевать, что ты там хочешь. Или не хочешь.

VI

– Когда ты его в последний раз видела?

У Гравировщицы сегодня не было душещипательных историй, но были вопросы, которые вгоняют в тоску.

– На прошлой неделе, в лифте. С утра, перед работой, и как назло, в то утро не успела накраситься. Пропала и вызвала такси. Понадеялась, что покрашусь в машине, но таксист ехал, как псих, и еще светофоры все были сплошь зеленые. Так и пришла на работу серой мышью. И тут еще эта встреча. А он был с пакетом мусора. Очень романтично.

– Как думаешь, он когда-нибудь решится?

– Вряд ли. Он в мою сторону и не смотрит. Наверное, быстрее решусь я. Если буду покрашена в этот момент.

Ей тоже, как и Гравировщице, не очень везло в любви. Она ее так хотела, и всеми силами ждала, но в планы Вселенной пока ее семейное счастье явно не входило. Свиданий было достаточно, как и ухажеров, большинство которых даже нельзя было назвать болванами, но их всех объединяло одно – они не вписывались в ее представление о счастливой совместной старости. Это когда вы лежите в шезлонгах на берегу моря, держитесь за руки, улыбаетесь сморщенными мордашками, глядя на закат, и понимаете, что жизнь была прожита не зря. Когда она встретит того, кого будет готова познакомить с тараканами в ее голове – она это сразу поймет.

Доктор Вайс говорит, что проблема в ней самой. Что ее ожидания от мужчин превышают ее собственные навыки в построении гармоничных взаимоотношений, и поэтому она расстраивается от неудавшейся любви еще до того, как эта самая любовь с ней успевает случиться. Проекция на неуспех в сочетании со страхом того, что ты потеряешь то, чего у тебя еще нет, чем ты никогда и не обладал на самом деле. У нее это проявлялось во всех сферах жизни, естественная закономерность. Но бывали и исключения.

Ее часто охватывала паника. В мечтах о том, как она наконец-то нашла своего единственного, родила ему красивых детей, их общий дом светел и полон уюта, и их жизнь безмятежна как цветок лотоса при буддистском храме, вдруг наступал какой-то момент, в котором по непонятным причинам она вдруг их всех теряет. Это было невыносимо. Однажды она встретила такую несчастную старушку, которая за два года потеряла по очереди сначала любимую дочь, потом мужа, с которым они прожили больше двадцати счастливых лет, а потом и второго ребенка, последнего любимого человека из ее разрушившейся семьи, своего взрослого сына. Её разбил инсульт, она долго восстанавливалась, и теперь топила своё горе в алкоголе. А вдруг это случится и с ней? Вдруг все, к чему ты стремишься и так долго воздвигаешь, вдруг рухнет в одночасье?

Проще не пытаться. Ты разрушаешь все, что создаешь. Когда ты все потеряешь, тебе некого будет обвинять. Только себя.

VII

...

– Я видел его! Он сидел на шторах! Он был черный, а глаза светились, а вокруг было так темно, я видел, видел!

– Ты не мог ничего такого видеть, это, наверное, был фонарь на улице.

– Но нет же, нет, он двигался, смотрел в мою сторону и шевелил глазами, он даже пытался говорить со мной, я не мог пошевелиться, я так испугался, я очень хотел в туалет, но не мог встать.

– Сестра была с тобой в комнате, она ничего не видела, тебе, скорее всего, это привиделось или приснилось.

– Она спала, наверное, а может быть и нет... Спроси ее! Спроси!

– Ох... Как я устала... Ты видела что-нибудь?

Голос мамы среди всего этого шума обращался ко мне.

Нет, не видела. Но я ему верю.

– Нет, я ничего не видела. Нечего там было видеть. Глупый мелкий брат, наверное, мультиков пересмотрел.

– Сама ты глупая! Ты мне тогда рассказывала что ты тоже...

– Успокойтесь оба, кто-то пришел, в дверь позвонили. Ни слова больше.

«...Здравствуйте. Конечно можно, заходите. Какой сюрприз. Грамота? ...Ничего себе, спасибо. ...Она, конечно, знает обо всем. ...Она очень способная, и ее успехи... Мне очень жаль с ней расставаться. Такая девочка. В моем классе таких мало. Очень жаль, что... приходится переезжать, для детей это всегда большой стресс. ...Да они рады. ...Дети не всегда говорят то, что чувствуют. Да это же просто дети... Но я вас понимаю. ...Здесь нечего больше ждать. Несколько лет... тяжелая ситуация. Как и везде в принципе. ...Времена ...Но там новые возможности, для них в том числе. Особенно для них... Но это так далеко. ...С чистого листа. Мне хочется с ней попрощаться ...Сейчас я ее позову».

Я смотрела на свою учительницу и знала, что больше ее никогда не увижу. Странное чувство. Как я могу знать, ведь я еще так мала? Но я знала. Просто чувствовала. Она нравилась мне, она всегда была ко мне добра. Она запомнится мне здесь, у нас дома. Доброй такой. У нее выступили слезы на глазах, но она пыталась их сдержать и обнимала меня, и что-то говорила, а я не знала, что мне делать и что говорить, и просто стояла. Улыбалась. Хотя мне было как-то грустно. Почему она плачет? Может, она знает что-то? Взрослые всегда знают намного больше нас. Если я чего-то не знаю, наверное, мне это и не нужно. Или нужно? Может, меня ждет что-то плохое и мне тоже сейчас нужно заплакать?

Улыбайся.

Еще. Воспоминание.

Школьный автобус. Старый, желтый, с одной узкой дверью напротив водителя. В проходе навалены рюкзаки. На некоторых больших окнах ровными красными буквами написано «запасный выход». Почему «запасный»? Ведь слово «запасной» удобнее произносить и оно означает то же самое. Или нет?

Я сижу прямо под одной из таких надписей. А под стеклом в коробке справа от надписи лежит молоточек, на вид совсем маленький, но наверняка он тяжелый и им можно что-то разбить. Например, нос, тому, кто еще раз попадет в тебя хлебным мякишем. Или окно в момент аварии. Весело, наверное, было бы попасть в какую-нибудь легкую аварию. И я представляю, как в этом случае я вскакиваю с сиденья, бросаю недоеденный бутерброд под ноги удивленным одноклассникам, вскрываю коробку и разбиваю этим молоточком стекло окна, чтобы мы все гурьбой могли вылезти из автобуса. Только надо заранее понять, как открывается эта коробка,

с виду я крючка не вижу, а в момент экстренной необходимости нужно действовать наверняка. Я пристально ее разглядываю.

Мы с классом едем в цирк. В таких поездках дорога всегда веселее, чем само мероприятие. Так, по крайней мере, говорят одноклассники. Я не знаю. Очень шумно, на задних сиденьях расположились популярные ребята и двоечники, они объединили усилия и съестные припасы, чтобы обкидывать хлебными мякишами отличников, которые по глупости сели перед ними. Иногда попадают в нас, нормальных. Я сижу посередине. Я никогда не знаю, куда лучше сесть, и сажусь посередине. Как бы ни там и ни там.

Садись ближе к двоечникам.

Один мальчик едет отдельно. Его мама организовала эту поездку, и они с ней едут на блестящей черной машине позади автобуса. Этот мальчик самый красивый в классе. А у его родителей самая красивая машина. Он нравится всем девочкам без исключения. Так они говорят. Прямо вслух. А я не говорила никому. Но, наверное, это не так уж и страшно было бы признаться, что тебе нравится самый популярный мальчик. Хуже, если бы это был самый непопулярный, тут точно стоит помалкивать. А я на тему чувств вообще не распространяюсь.

Остановка.

– Мама, мне скучно одному в машине, пусть кто-нибудь поедет со мной!

– Ну, выбери кого-нибудь, кого захочешь. Вместе веселее конечно. Можешь девочку позвать. Только давай скорее, автобус скоро тронется.

Он перешагивает через рюкзаки и направляется в мою сторону. Ну, в мою, и еще двадцати пяти человек. Мое сердце замирает.

Что если он выберет тебя? Что ты будешь делать?

Его взгляд останавливается на мне на мгновение. Хорошо, что в автобусе было довольно темно и мою красноту на щеках и прыгающее сердце на пути к пяткам вряд ли кто-нибудь увидит и обсмеет. Хотя я уверена, что все обратили на это внимание. Я плавно и ненавязчиво отворачиваюсь.

– Пошли ты со мной!

Я повернулась. Немного резче, чем изначально планировала. Звук был рядом. Но он обращался к худому рыжему мальчишке позади меня, у которого до сих пор не вырос передний коренной зуб взамен выпавшего молочного, от чего он был похож на вечноголодного кролика. Они гуляли вместе во дворе после уроков. Иногда во время уроков.

Действительно, с чего это вдруг ему звать тебя?

Пронесло.

Можно доедать бутерброд.

Это могла быть ты. Но это не ты.

VIII

Взгляд ее упал на мёртвую муху за оконной рамой.

Она лежала на наклонном карнизе лапами вверх, но почему-то не сваливалась и была похожа на сухую корочку. Почему она не падает? И сколько она уже тут лежит? Говорят, что мухи на зиму впадают в спячку. Странно. Зима давно прошла, и за окном тепло, почему она не проснулась? Может для нее еще недостаточно тепло? Почему ее тогда не смыло весенней капелью? Или может, эта леди умерла и просто забыла выбрать для этого более подходящее место? И почему люди не могут вот так вот просто впасть в спячку в напряженной ситуации и проснуться, когда все проблемы уже будут решены? Это ведь тоже своего рода транс.

Доктор Вайс говорит, что состояние транс должно решать проблемы, а не быть способом избегания реальности. Она и не желала этого. Ее любимым способом избегания реальности всегда было чтение. Любое, какое попадалось под руку. Книги. Бумажные, электронные. Газеты, журналы, надписи на банках с кетчупом. История, философия, психология. Любимым направлением, конечно же, была классическая литература. Можно с элементами любви, но не только. Желательно зарубежная. Там тебе и история, и философия, и архитектура, и живопись, и погода всегда лучше, чем у нас. Ей интересно было наблюдать, как вели себя в стрессовых ситуациях средневековые норманны или англосаксы. Для того чтобы узнать, как ведут себя соотечественные ей рыцари, достаточно было выйти во двор. И вообще, когда говоришь парню на первом свидании о том, что любишь произведения Гюго про неразделенную любовь безобразного горбуна к несчастной цыганке, в его глазах гораздо больше шансов получить одобрение, чем когда признаешься в любви к трактатам Фрейда о психоанализе. В этом случае они почему-то тебя пугаются. Видимо, переживают, что ты раскусишь их нечестные намерения при первой же встрече. Люди одобряют все классическое. И не любят, чтобы их оценивали. Хотя сами оценивают всех постоянно. Парадокс.

Через пятнадцать минут у нее намечалось важное собеседование в одной из лучших юридических фирм города. “Работа мечты, не упusti свою возможность”, как сказали все ее знакомые, которым она осмелилась о нем рассказать. Как правило, это ее хвастовство было реакцией на вопрос: “Какие планы на будущее?”. Одиноким двадцатичетырехлетним девушкам нельзя задавать таких вопросов. А ей особенно. Это неизбежно провоцирует депрессию. А в последнее время ее почему-то спрашивали особенно часто. Как будто сговорились. Повезло еще, что месяц назад ей по непонятному стечению обстоятельств назначили собеседование здесь. Теперь она хотя бы временно могла выигрывать эту словесную битву, не уходя в тоску. У нее не было шансов сюда попасть, и она это знала. Она только поэтому и пришла. Если бы шанс у нее был, она вряд ли нашла бы сюда дорогу от страха и волнения.

Она пришла пораньше, чтобы произвести хорошее впечатление. Правда, теперь ей приходилось стоять в коридоре на неудобных шпильках и делать вид, что ей интересно наблюдать, что происходит за окном. А там была пустая парковка и двухцветное граффити на заборе. На разглядывание всего этого многообразия у нее ушло ровно тридцать секунд. Теперь она вдумчиво размышляла о судьбе мертвой мухи. Или спящей. Еще ей показалось, что ее белая блузка была недостаточно белой на фоне белоснежных стен приемной, и от этого она волновалась еще больше. Почему на внутренних стенах не додумались нарисовать граффити? Они бы отвлекали от недостаточной белизны одежды. И чем стирают рубашки сотрудники этой компании, чтобы они казались белее? Она же специально купила новую, и теперь окончательно растерялась. Но потом немного успокоилась, вспомнив, что все равно шансов здесь работать у нее нет.

В этот момент ее окликнули и пригласили войти в переговорную комнату.

Комната оказалось ярко-красной. Это ее окончательно успокоило. На фоне такого яркого красного даже желтый цвет выглядел бы белым. Как зубы на фоне помады. Помада, точно, надо было освежить. Чёртова муха. Ладно, уже поздно. Зачем красить стены в такой цвет? Чтобы раздражать начальника еще больше во время совещаний? Чтобы сотрудники с их недостаточно белыми рубашками не задерживались в этой конторе?

Она села напротив комиссии по приему сотрудников. Прошли те времена, когда для того, чтобы устроиться на работу, достаточно было отправить резюме и подтвердить по телефону дату выхода на работу. Она их и не застала, видела в старых фильмах. Зато теперь тебя оценивает комиссия. Члены которой сами когда-то сидели на месте кандидатов и точно также боялись. Но теперь всё по-другому. Рано или поздно жизнь расставляет всё по своим местам. Сейчас они сидят на одной стороне. А ты на другой. Без поддержки. Держись.

Пауза. Трое молчали. Она тоже.

Улыбайся.

Один из них был молодой мужчина, на вид около тридцати. С довольно заметной проседью. Она бы могла назвать его симпатичным, если б не его насупленный взгляд. Интересно, он здесь поседел в своем молодом возрасте? Или уже пришел сюда таким? Может, именно по седине определяют количество опыта, который ты можешь привнести в этот коллектив?

Она плавно перевела взгляд на его соседку. Она была взрослой во всех отношениях. Выражение ее лица отражало всю тяжесть накопленного ей за долгую жизнь багажа знаний, столь необходимых для данной фирмы. А также заметное переживание по поводу времени, которое она могла потратить на измерение своего кровяного давления, вместо того чтобы бездарно тратить его на неопытную малолетнюю девушку, которая наверняка еще не знает значение слова “подагра”.

Третий персонаж был на вид очень авторитетным. Наверное, он был тут главным. Хотя по выражению лиц сотрудников этой компании можно подумать, что не главные тут не работают. Интересно, она одна будет им всем подчиняться? Или есть еще подчиненные? По дороге на этот этаж она таких не встретила.

Разговор начал Седой.

– Расскажите о вашем опыте.

Он недостаточен для данной квалификации. Я пришла сюда, вероятно, по ошибке. Сотрудник отдела кадров, наверняка, разбирал списки кандидатов после очередного фуршета. Вы его уже, наверное, уволили, так как я ему сегодня звонила, а он не взял трубку. Или ушел в очередной запой.

– Я работаю в настоящее время в фирме вашего младшего конкурента. В мои обязанности входит юридическая поддержка клиентов, обратившихся по ежегодной корпоративной подписке.

– Здесь подразумеваются совсем другие обязанности. Вы должны это понимать, если читали вакансию. Ваш уровень подготовки, конечно, недостаточен. Вы понимаете уровень ответственности, который будет возложен на должность, на которую вы претендуете?

Если б я понимала, я бы вряд ли сюда пришла. Я и на текущем месте зашиваюсь.

– Я понимаю и абсолютно готова к нему. Я ценю уровень доверия, который мне был оказан, когда вы пригласили меня сегодня сюда, и я обещаю, что оправдаю ваше доверие. Я сделаю все возможное, чтобы каждый из вас гордился тем, что приняли меня на работу.

– Вы хотите сказать, в том случае, если мы примем вас. У нас много кандидатов.

– Ну конечно. Именно это я и хочу сказать.

Отпустите меня уже домой, не будем ломать комедию.

В разговор вмешался Главный. Взрослая думала, вероятно, о давлении и смотрела в другую сторону, ей было явно не до того, что происходило в кабинете.

– Расскажите, чем вы увлекаетесь в свободное время.

У меня нет свободного времени, я трачу на свою текущую работу по десять часов в день, а оставшиеся четырнадцать часов, кроме сна, провожу в размышлениях о дне грядущем и об объеме ответственности, который на меня был возложен там такой же авторитетной комиссией.

– Я выращиваю орхидеи. И люблю классическую зарубежную литературу.

Молодец, этот прием работает везде, не только на свиданиях.

– Что читаете сейчас?

– Историю про парня, которого тошнило от обыденности. Постоянно тошнило. Сартр, отец французского экзистенциализма. Удачное произведение.

Главный удивленно поднял бровь. Смотрел на нее пятнадцать секунд. Опустил.

– Чего вы хотите добиться через год?

Найти себе уже нормального парня, пока мои морщины еще не приходится маскировать. С которым я буду встречаться не только в лифте с мусором в руках.

– Стать профессионалом в своем деле, наработать те навыки, которые мне необходимы, чтобы закрепиться на предложенной мне вами позиции.

– Кем вы видите себя через три года?

Сбросившей, наконец, эти набранные на текущем месте работы из-за поедания эклеров за компьютером ненавистные мне три килограмма. И счастливой. Возможно, беременной. Надо не забыть сказать этой честной компании, что я не планирую иметь детей. Говорят, из-за этого часто отказывают молодым симпатичным девушкам. Хотя мне и без этого откажут.

– Руководителем отдела. Это было бы потрясающе передавать свой опыт таким же новичкам, как я сейчас, которые, как и я, в команде, стремились бы улучшить позиции компании на рынке.

Главный не сдавался. И даже ей уже становилось интересно узнать, что будет дальше. Хоть повеселиться напоследок. Все равно больше не увидятся.

– А через пять лет? Мне, возможно, стоит опасаться?

Он засмеялся. Она тоже. Подтянулись остальные. Искренний такой, добрый смех. Абсурд на фоне показной наивности. Лучшие десять секунд собеседования.

Нет, вам не стоит опасаться, к тому времени меня уже заметит, наконец, какой-нибудь продюсер и я буду собирать стадионы в разных уголках планеты. С неизвестным мне до настоящего момента, случайно открывшимся талантом. И летать частным самолетом и дружить с Бейонсе. Если она не сильно состарится к тому времени. Я-то, конечно, открою секрет вечной молодости и ни с кем не поделюсь, особенно с ней. Зачем мне это?

– Время покажет. Я еще очень молода...

Взрослая в этот момент злобно посмотрела на нее и что-то пробормотала сквозь зубы. Скорее всего, это была порча. Надо будет зайти в церковь после этого цирка.

–

...И я уверена также, что о многих возможностях я еще даже не подозреваю, так как они мне пока не открылись. Поэтому я не хочу загадывать так далеко вперед.

Иди уже домой. Не забудь, кстати, полить свою единственную орхидею, она почти погибла. Когда ты ее в последний раз поливала? Вроде бы в конце апреля. В каком-то сериале говорили, что орхидеи не любят, когда вокруг много влаги. Это очень даже кстати. Тогда почему они все время у тебя засыхают?

Она вышла во двор и перевела дух. Надо позвонить Гравировщице, подумала она, и спросить, не хочет ли она нарисовать картину в память о ее растоптанной репутации. Слава Богу, это кончилось. И еще лучше, что она сюда больше не придет.

Сейчас они над тобой смеются. Уходи и не оборачивайся.

***

Что она могла ему предложить?

Продюсеру, который по мановению волшебной палочки вдруг возник бы сейчас перед ней. Как волшебник перед Незнайкой. Она отчетливо представила этот момент. Как пухлый воображаемый продюсер в галстуке от Версаче и с блестящей на весеннем солнце лысиной вышагивает ей навстречу. Как предлагает от широты души организовать ей концерт. Ей же достаточно лишь намекнуть, в какой именно области она желает засветиться. Для подбора соответствующей аудитории, декораций и не затмевающей ее таланты малоизвестной звезды для разогрева.

Она шла и размышляла, пряча взгляд от прохожих. То ли от яркого майского солнца, то ли от чувства неловкости за неудачное собеседование. Пусть все думают, что от солнца.

В ее голове, с детства наблюдающей за жизненными невзгодами, сложилось твердое убеждение, что творчество – для души, а деньги приходят только через неприятный труд. По практике, чем больше неприятностей сваливалось на ее голову, тем выше становился ее доход, тем острее было ощущение пользы, приносимой миру и сильнее чувство того, что долго она так не протянет. Заработать творчеством, по ее убеждению, можно было либо а) через попытки использовать собственное тело в пирамиде власти, либо б) при наличии огромного таланта. Первое со вторым никак не связано, но во втором случае твои шансы снижаются ровно до вероятности встретиться с влиятельными медийными представителями в твоем жилом квартале.

Но взять, к примеру, Гравировщицу. Она зарабатывала творчеством. И ей даже не нужен был продюсер, потому что она создавала и сбывала свои работы сама. Явно в ее блондинистой голове исторически сложились другие убеждения. Хотя воспитывалась она в такой же средне-статистической советской семье. Или просто руки из нужного места выросли? Она говорила, что любит сам процесс. Как можно возлюбить процесс? Всем ведь известно, что конечная цель любого труда – это избавление от него, перекладывание его на других, более молодых и менее опытных, и наслаждение накопленным за долгую и трудную жизнь капиталом где-нибудь на берегу Средиземного моря! Или в худшем случае – перебиваться на честно заработанную пенсию.

У нее талантов не было. Ну, или она про них пока не знала. Однажды в начальных классах она выиграла конкурс рисунков среди параллели, но она почти не обратила на это внимания по причине подготовки к олимпиаде по математике. Наверное, остальные более талантливые юные художники тоже к ней готовились, и выбирать было особенно не из кого. Примерно в те же годы она написала небольшой сборник сказок для малышей, но это было так наивно, что она постыдилась его кому-либо показать. И закопала его во дворе. А на своем выпускном в четвертом классе ее почему-то выбрали среди одноклассниц и она спела знаменитую песню про то, как все скучают по школе, когда ее покидают. Наверное, потому что она была единственной, кто хорошо знал текст. И потом она выступила с этой песней еще на трех выпускных, причем два из них были даже не в ее школе. Она до сих пор помнит, как было страшно. Но она справилась. И все четыре раза ей сильно хлопали. Наверное, потому что она была милым и застенчивым ребенком с большими глазами. И платяишко для того случая у нее было красивое. И песня хорошая.

И да. Еще же были стихи в подростковом возрасте. Ну, эти, мини-поэмы. Из серой коробочки. Но разве можно это назвать талантом? Никто и никогда не станет за это платить деньги.

Посмотри правде в глаза, ты бесталанна. Кто ты вообще? На этот вопрос никто никогда не сможет ответить, кроме горстки знавших тебя людей.

Ну и ладно. Она и не против. Ей не нужны были слава и миллионы. А чего она вообще хотела? Этот вопрос она всегда боялась себе задать. Он очень страшный. Он заставляет думать о глобальном, а это всегда страшно. Это заставляет ее признаваться, что то, чем она обладает сейчас, не приносит ей счастья, и нужно от всего отказаться и все начать сначала. А что начать? А потом ведь может все повториться, ведь ты никогда не знаешь, что тебе понравится или

не понравится, пока не попробуешь. А что если она никогда не найдет? Замкнутый круг. Это провоцировало у нее новые страхи и приступы паники. Вот как сейчас. Надо бы спросить у доктора Вайса, что ее ожидает, если она никогда не найдет свое призвание.

Она присела на лавочку. Огляделась. Все хорошо. Мир стоит на месте. Город казался даже не таким серым в этот солнечный весенний день. Ее ладони вспотели и голова закружилась. И мороженого вдруг захотелось.

Он не рекомендует ей заниматься самокопанием в его отсутствие. Как будто это можно контролировать. Глупый доктор Вайс. И имя у него какое-то странное.

В этот раз она справилась сама. Она знала, что тоже хочет делать что-то просто ради процесса. Чтобы это приносило радость и возможность покупать себе иногда вещи ради удовольствия, а не вследствие острой необходимости. И ещё парня. Разве это много? Разве для этого нужен большой талант?

Как несправедлив мир.

Он справедлив. Ты просто имеешь то, что заслуживаешь. Это всем известно.

IX

Господи. Только не это. Только не сегодня.

Она стояла и смотрела на свое отражение в зеркале. Это было на нижней губе. Занимало примерно ее треть. Противное даже ей самой. Простуда. Огромная безобразная лепешка.

Сегодня был ее первый рабочий день в лучшей юридической конторе города. То ли снова по ошибке, то ли из-за тотального отсутствия хороших кандидатов на рынке труда, о котором говорят все кадровики, ей все-таки перезвонили. Она подумала сначала, что их звонок явился жестом вежливости и они просто хотят ей рассказать, как удачно приняли на её вакантное место грудастую брюнетку в очках со стильной оправой, имеющей четыре высших образования и проходившую стажировку в Соединенных Штатах на протяжении последних десяти лет. И еще раз посмеяться над ее наивностью.

Но она ошиблась. Они действительно предложили ей это место. Таким извиняющимся тоном, как будто им очень неудобно оттого, что всем, конечно, очевидно, что ее блузка не совсем подходит к оттенкам их офиса, и вряд ли когда-нибудь в будущем она будет способна вписаться, но так сложились звёзды, и противоречить им было бы плохо для их кармы. Карма – дело святое. Она от удивления не знала, что им ответить.

“Отказаться всегда успею”, подумала она.

Ты никогда не откажешь этим людям. Это твой единственный шанс стать чуть больше чем “никем” в этой жизни. Соглашайся.

И она согласилась на все их условия.

Когда она принесла заявление об увольнении на своей действующей работе, три подписывающих его руководителя по очереди сказали ей, что она переоценила свои возможности. Что она пожалеет о принятом решении, так как она не представляет, что ее там ждет. Что любая девушка на ее месте, будь она хоть капельку умнее, осталась бы здесь и ощущала радость жизни до последнего предпенсионного звонка. А потом бы закатила прощальный пир с пиццей со своими коллегами, и ушла небодрой походкой в закат тратить государственные деньги.

Она побоялась им признаться, что радость жизни она здесь не ощущала. Но промолчав, она сама для себя решила, что таким образом оставила для себя тут запасной выход в случае неудачи. Или запасный. До сих пор не знала, как правильно.

Они сговорились? Или это обычный текст для увольняющихся и не особо выдающихся сотрудников? А может, наоборот, для выдающихся, просто они не хотят ее потерять и удерживают через манипуляции?

Ха. Надейся, да. Приползёшь к ним через месяц в слезах, попросишься обратно, и там увидишь, какая ты выдающаяся. Забери заявление, пока не поздно, еще можно все отменить. Через пару недель добровольной сверхурочной работы они, может быть, простят тебе твою мимолетную глупость.

И вот сейчас предательская простуда на самом видном месте убила остатки уверенности в себе и в том, что она приняла правильное решение. До этого момента она еще как-то держалась. Говорила всем, что точно знает, чего хочет от жизни. А сейчас у нее проступил пот и ладони превращались в вату. Комок собрался в горле. Ей хотелось плакать. И забиться в угол. Ничего не выйдет. Она не справится.

Я же тебе говорил.

Может, прикинуться больной? Она ведь и вправду больная. Посмотрите на ее лицо, оно же отражает всю боль ее существования. Доктор Вайс мог бы подписать ей справку о недееспособности на пару-тройку дней. Но если они узнают, что она находится под наблюдением психотерапевта, они стопроцентно расторгнут с ней еще не заключенный договор даже до выяс-

нения причин заболевания. А другой доктор, обратись она к нему, узнав о том, что она хочет больничный по причине простуды на губе, отправит ее в клинику к доктору Вайсу понаблюдаться. Это замкнутый круг. У нее нет выбора.

Она должна выйти из дома и пойти по направлению к новой работе.

Ты должна.

В конце концов, всегда остается шанс, что ее на каком-нибудь перекрестке слегка заденет проезжающий автомобиль. Без страшных травм, но так, чтобы ее могли увезти в больницу и оставить там на пару дней. А водитель, конечно, испытывая чувство вины, приходил бы к ней по утрам с белыми цветами и рассказывал бы ей, что происходит за окном, так как ей пока рано вставать. А к концу третьего дня ее пребывания в больнице, оказалось бы, что он – наследный принц Британии, восемнадцатый в очереди на престол, и потому не сильно обремененный обязательствами, и он влюблен в нее по уши и хочет забрать ее с собой во дворец. А простуду он просто не видел по причине близорукости. Но красоту ее разглядел сразу, еще из машины в момент аварии. Поэтому-то авария и случилась, для него это было слишком яркой вспышкой. Ах, как это было бы прекрасно!

Она улыбалась в ожидании лифта. Она почти поверила в то, что сегодня с ней все это случится, и ей даже захотелось скорее оказаться на улице. Но лифт где-то застрял и не хотел ускорять ее приближение к волшебной сказке. Может, лифт злится на нее за то, что она вчера обронила там трамвайный билет и не захотела поднимать, так как он упал в какую-то подозрительную лужицу?

Двери, наконец, открылись. Электронный голос надменно оповестил “двадцать третий этаж”. Ехать надо было примерно половину минуты, и она приготовилась в это время помечтать, как рождает своему принцу красивую кудрявую малышку, и как телевидение транслирует растяжки на главных мостах в городах по всему миру “У них девочка!”

Чудесное утро.

Лифт немного дернулся, и электронный голос сообщил об остановке на пятнадцатом этаже. Это был его этаж. Черт. Только не сегодня. Пожалуйста. Она вспомнила о своем обезображенном лице. Там еще двенадцать квартир, это может быть кто угодно. А с ним она встретится когда-нибудь потом, когда на ее лице не будет противных лепешек. И может быть, она даже назначит ему свидание. Правда, он вроде бы живет с какой-то девушкой. Она его видела однажды с ней. Не в ее правилах встречаться с женатыми. Но он ей так нравится, еще с прошлой осени. Вдруг он все же свободен? Их редкие встречи в лифте и у мусорных баков были лучшими моментами на протяжении всего этого времени. Однажды он спросил ее “Вам какой этаж нажать?” в тот момент, когда они вместе поднимались на лифте и ее руки были заняты пакетами с продуктами. Она засмузилась тогда, вспомнила, что у нее в прозрачном пакете лежит бутылка вина как раз с его стороны, и он обязательно подумает сейчас, что у нее проблемы с алкоголем. Она почему-то тогда покраснела, и ответила как-то глупо и с паузой, что ей нужно на двадцать второй. А она жила на двадцать третьем. Зачем она это сказала? Подумала, наверное, что скрывая этаж, она снизила свои шансы прослыть алкоголичкой? В голове пронеслись голоса старушек-соседок: “...Вы знаете, на двадцать втором этаже живет одинокая пьющая девушка. Такая молодая и красивая, и уже с дефектом. Такая печаль... Серьезно? Не видела... Одну знаю, но она на двадцать третьем живет, значит не она”. А вдруг он потом часами караулил ее на двадцать втором, желая признаться, как она его в тот день очаровала? Идиотка. Упустила свой последний шанс.

Вселенная, давай договоримся. Она назначит ему свидание, только пусть сейчас это будет не он. Если у него есть девушка, он ей просто откажет, и всем будет легче. Она начнет мечтать о ком-нибудь другом.

Это был он.

Впервые в жизни, находясь в лифте, ей захотелось провалиться под землю. Лифт был одним из ее самых больших фобий. Ей всегда казалось, что она будет той самой, кто провалится в шахту с высоты ее двадцать третьего этажа и о ком потом будут писать в газетах в колонке о чрезвычайных происшествиях. Она часто представляла, как летит вниз и готовится к столкновению с землей. На каждом этаже уменьшала или увеличивала в зависимости от направления поездки количество потенциально переломанных костей. Представляла, что если подпрыгнуть в нужный момент, сработает антигравитация и ей, может быть, даже удастся спастись. У нее всегда было плохо с физикой, и она даже не была уверена, что есть такое слово “антигравитация”, но какие у тебя шансы, когда ты летишь вниз в железном ящике? Попробовать она была обязана.

Она потупила взгляд, разглядывая узоры от грязных подошв на полу лифта и размышляла, аннулируется ли ее договоренность с Вселенной о том, что она должна назначить ему свидание. Ведь вроде как Вселенная не выполнила ее просьбу. Какая теперь разница, он сейчас стоит и смотрит на ее лицо, и она прямо кожей чувствовала, как его губы расползаются в ехидной усмешке.

Может, прикрыть нижнюю часть лица ладонью, как будто зеваешь? Даже как-то сразу захотелось зевнуть. Но она не сможет держать рот открытым до первого этажа, это вызовет у него подозрения. А у нее и так немного баллов. Надо придумать что-то другое. Срочно, думай. Ты же была отличницей в школе. Интересно, а демонстративно отвернуться к задней стенке лифта считается приемлемым в обществе? Лифт был грузовой, огромный, и места хватило бы еще десятерым. Ну почему больше никто не заходит? Встань между ними толстый сосед с десятого со своей лохматой собакой, она была бы спасена.

Она украдкой посмотрела на него. Именно в этот момент он тоже к ней повернулся. Он не ухмылялся. Она отрывисто закусила губу и в этот же момент попыталась улыбнуться и наверное, ее лицо в этот момент выдало такую странную физиономию, что он поспешил отвернуться. Ну и хорошо, она теперь может спокойно его разглядывать, мысленно прощаясь с ним как с частью своего счастливого будущего.

Он был высоким. Очень. У него были умные глаза, как у большой доброй собаки, и широкие брови. Его нельзя было назвать ни блондином, ни брюнетом, растительность на лице тоже не выражала определенного оттенка. Может, у нее плюсом ко всему примешивался еще и дальтонизм? Он не был типично красивым молодым человеком. В ее мечтах о принцах они все имели смазливый черты, густую волнистую челку и в целом напоминали богатырей из народных мультфильмов. Этот был другой. Меньше пафоса в движениях и полное отсутствие доспехов. Но в его взгляде, выражении лица и образе держаться чувствовалась мощная харизма и скрытая мужественность. Казалось, что в том уголке лифта, за его широкой спиной, она чувствовала бы себя спокойно и защищенно. И никакие беды земные ее бы не коснулись. И голос в голове бы заткнулся. А вдруг у них все-таки есть будущее? Мечты о наследном принце, сбившем ее на перекрестке, как-то сразу потускнели.

Ничего у тебя с ним не будет. Смирись и думай о работе.

Работа. Точно.

“Первый этаж”. Электронный голос был все таким же надменным.

Прощай, ненаступившее счастье. Уверенной походкой оно ушло по направлению крыла с почтовыми ящиками и задержалось там по непонятным причинам.

Ей оставалось надеяться, что в первый день ее обложат папками с инструкциями по технике безопасности на рабочем месте высотой, превышающей ее рост, и все будут проходить мимо, и никто ее и не заметит.

Она снова ошиблась. Ее взяли под руку и провели по всем четырем этажам пафосного здания и познакомили с каждым сотрудником, работавшим в офисе в тот день, включая всех заместителей директоров и охранников. Зеркальными были не только наружные стены здания,

но и кабинеты сотрудников с хитроумной системой одностороннего обзора. В них ее недостатки приумножались многократно. Проходя через примерно тринадцатый кабинет, она успокоилась и решила, что пусть это будет ее фишкой. Должна же у нее быть хоть какая-то фишка. Она широко улыбалась и приветливо кивала всем головой, уже не стараясь запомнить имена, а только надеясь, что скорость ее кивания превысит скорость света, и ее фишка все-таки хоть для кого-то останется незамеченной. Ну и еще на то, что все четыреста сотрудников фирмы немного близоруки.

А принц ее в тот день так и не сбил. Ни в тот, и ни в какой другой. Зато пока этого не произошло, она могла об этом мечтать. А предвкушение всегда приятнее самого события. Это она за свою недолгую жизнь уже успела усвоить.

Х

...

—

Мне холодно!

—

Терпи. Мы скоро придем.

—

Куда мы идем?

—

Отсюда.

Зимняя холодная ночь. Снег при порывах ветра летит огромными ледяными хлопьями прямо мне в лицо. Я не успела одеть шарф, точнее, я не нашла его спросонья, и сейчас мои шея и щеки замерзли под этими колючими снежными кусками. Я вообще мало что успела понять. Я не успевала идти так быстро, мы шли по нерасчищенному тротуару, страшно торопились куда-то, я спотыкалась и боялась, что в следующий раз могу упасть открытым лицом прямо в сугроб, и что мне будет очень больно. Но пока было не больно, а просто страшно.

—Почему мы не взяли брата?

—Он спал.

Ты тоже спала, но тебя разбудили.

—Когда мы вернемся домой?

Ответа не последовало. Не стоило, наверное, спрашивать. Я же знаю, от чего это зависит. Мне уже не пять с половиной лет. Как брату. Он такой глупый. Мне постоянно приходится ему все объяснять. И защищать, хотя должно быть наоборот. Ничего сам не понимает. Когда мне было пять с половиной, я была гораздо умнее. Мы тогда жили в синем доме. Однажды залезли с ним по дряхлой деревянной лестнице на чердак, и нашли там сокровища в сундуке. Старые тряпки, чехол от большой лопаты и ржавый топор. Это были *наши* сокровища. Мне тогда сильно прилетело, потому что брат свалился с лестницы и его нога посинела. Он лежал неделю в кровати и не ходил в садик, и я ему очень завидовала. Но наш секрет мы сохранили и потом часто залезали втихомолку наверх и играли в старых пиратов, ушедших на покой. Я читала об одном таком пирате в старой книге. Мы оборачивались тряпками и кричали «Хо-Хой», негромко, чтобы нас не услышали соседи. А родители всегда были на работе, и их можно было не бояться. А потом мы переехали. Снова. А сокровища остались там. Наверное, там, а может быть, их выкинули. Интересно, они все еще там? Я вдруг ужасно соскучилась по брату, хотя он и был надоедливой занозой. Я почему-то представила, что больше его никогда не увижу. Стало еще страшнее. Куда мы идём? Почему они остались там?

Молчи. Просто иди.

А снег продолжал лететь и колоть лицо. Я почти перестала его чувствовать. Я видела мельком, как под фонарями красиво кружилась закрученным вихрем длинная цепочка из снежинок. Мне захотелось к ним, закружиться по воле ветра и не чувствовать холода. Они ведь сами холодные и поэтому, наверное, не чувствуют холода. Было бы странно, если бы они мёрзли. Почему тогда я мёрзну? Особенно, когда нахожусь в толпе. И даже дома. Я же тоже снежинка.

Я хочу обратно свой шарф.

Терпи. И не вздумай реветь.

XI

– Заткнись!

– *Это невозможно.*

– Ты надоел мне...

– *Я всегда буду с тобой, и ты это знаешь.*

– Доктор Вайс сказал, что от тебя можно избавиться. Нужно только пройти курс терапии.

Понять, откуда ты взялся...

Вода стекала струйками по ее коже и смывала остатки дня, который она провела в диком потоке самодовольных клиентов, убежденных в том, что она складывает гонорары фирмы себе в карман и имеет огромное количество желаний и времени на то, чтобы потом их с удовольствием на себя тратить. По этой причине у них возникало право уничтожить ее свободу, право голоса и остатки достоинства. Ей хотелось тишины и покоя, хотя бы в оставшиеся два часа этого сумасшедшего дня. Чтобы завтра все началось сначала. Это было невыносимо.

– *Делай что угодно. Проходи терапии, которые тебе никогда не помогут. Тебе же нечем больше в жизни заняться. У тебя многообещающая работа и идеальные шансы на построение семьи. Твой доктор Вайс пустое место. Где он был, когда тебе было плохо? Почему он появился только сейчас, когда ты сама уже в состоянии распорядиться своей судьбой? Я всегда был с тобой и буду до конца.*

– Почему ты до сих пор со мной?

– *Я защищаю тебя.*

– Мне не нужна твоя защита, я сама хочу принимать решения, а ты... Не помогаешь... Я вынуждена... слушать тебя... Я... устала...

Вода становилась горячее, но она не хотела ее убавлять, она надеялась, что струи душа, обжигая, смогут заглушить звуки голоса.

– *Не смогут. Не смогут.*

Тактильное ощущение не избавляло от слухового, а лишь усиливало.

– Уйди, уйди.

– *Ты не сможешь без меня. Ты слаба. Только я знаю, что тебе нужно. Сейчас особенно.*

Ты окончательно запуталась. И окончательно сломаешься без моего участия.

– Я не запуталась! Я знаю... что мне нужно...

– *Тогда почему ты всегда делаешь только то, что тебе не нужно?*

Вода становилась кипятком.

– *Я не уйду.*

XII

...

«...Родительский день уже завтра ...Нужно навести здесь порядок. Они репетировали спектакль с первым отрядом? ...Они смогут выступить, я смотрела на них вчера... У них хороший номер. ... Все же надо, чтобы все вместе еще раз...»

Я сидела на скамейке перед входом в парк и смотрела на приготовления к общему празднику на главном плацу. Двое ребят из моего отряда натирали флашток. Это были добровольцы. Старшим доверили освежать разметку. Одному из них не хватило краски, и он отчаянно пытался найти себе хоть какое-то полезное занятие. Он похаживал со значительным видом среди только что нанесенной товарищами разметки и проверял, прищурившись, четкость линий. И затирал подошвой случайно оброненные капельки краски. До тех пор, пока не заметил ветку в статуе—символе нашего лагеря, выросшую между правой штаниной мальчика с горном и левой ногой центральной девочки, машущей кому-то платочком. Теперь он безуспешно пытался ее выкорчевать. Старшая вожатая в своем красном блестящем пионерском галстуке и белой косынке сновала туда-сюда и раздавала распоряжения. К чему этот галстук, если пионеров давно уже нет? Зачем поддерживать то, что давно закончилось?

Я сидела и ковыряла носком своего грубоватого ботинка кусок травяного корня. И воображала, что этим занятием тоже вношу вклад в общее дело. И никому при этом не мешаю.

– Привет. Чего тут сидишь?

Это была Бесстрашная. Мы с ней учились в одном классе. Нам очень повезло, что наши родители случайно стоворились и отправили нас в один и тот же лагерь. Мы и в школе с ней дружили. А теперь еще и тут. У меня появлялся реальный шанс обзавестись долгосрочной подругой. Даже если мы снова куда-то переедем, нас с ней будет объединять не только школа, но и воспоминания об общем проведенном в лагере лете. Она ничего не боялась. Она могла назначить малознакомому парню свидание. Она не боялась носить короткие майки, оголяющие живот. Она могла позвать толпу друзей к себе, пока ее мама была на работе. Там же, в собственной квартире, она могла с ними тайно выкурить сигарету на балконе. А ведь она была только в шестом классе. Что будет, когда она вырастет? Она точно станет знаменитой.

Я сидела без цели. Как будто бы.

– Тебе стало лучше?

Бесстрашную вчера увезли в стационар при лагере и она провела там ночь. Надо будет спросить, страшно ли там. Вдруг меня тоже прихватит.

– Да, меня отпустили, и сказали не участвовать в мероприятии, отдыхать. Даже справку дали. Точнее, я выпросила, а то вожатая в жизни бы на слово не поверила. Фуф, удача привалила, и прямо перед праздником! А ты тут как?

Да уж, она была везунчиком. А мне нужно было завтра в образе белой берёзки танцевать перед чужими родителями. Я знала, что ко мне никто не приедет. Им некогда было тратить время на подобную чепуху.

На тебя.

– Я... Да нормально. Знаешь, а вчера на дискотеке меня один парень пригласил потанцевать. Из второго отряда. Не то, чтобы он мне сильно нравился, но он популярный, и танцует брэйк-данс. Помнишь, кареглазый такой, в кепке набок ходит? Мы с ним потанцевали, а потом они с друзьями убежали курить вот в эти кусты. На него заглядывается длинная из первого отряда. Вот я и решила, как бы невзначай, посидеть тут, вдруг он еще раз придет, и мы сможем поболтать. Только не говори никому.

– Так зайди к нему в корпус да позови погулять! Можете даже уйти за территорию. Сейчас свободное время, все ушли репетировать с вожатыми.

– Да ну. Вот зачем, и что я скажу. Нее. Да и не очень хочется.

Еще как хочется. Но он, наверное, сейчас с длинной гуляет. Или на голове крутится в актовом зале. А все смотрят и завидуют. Завтра наверняка будет выступать.

– Хочешь, я его позову? Вместе ходим. А потом я сбегу, оставлю вас наедине.

Я внимательно посмотрела на нее. Она красивая. Нос только чуть-чуть большеват. Стройная. Это самое главное. Она занималась танцами. И была смелая. Такая бы наверняка ему понравилась. Ее не было на дискотеке, так бы наверняка он пригласил ее на танец. А мне два года назад в таком же, но другом, детском лагере один парень сказал в лицо – «ты какая-то толстая! Так про тебя девчонки в нашей палате говорили». И ткнул мне пальцем в живот. Чтобы, видимо, убедиться. Палец уткнулся в ребро, а осадок в душе остался до сих пор.

– Пусть лучше с длинной гуляет. Давай вместе посидим. Наплевать на них.

XIII

В дальнем углу кабинета тихо напевало радио.

Настолько тихо, что невозможно было разобрать слов передаваемых по нему песен, зато отчетливо слышалось шипение радиоволн. Стоило кому-нибудь приблизиться к регулятору с намерением добавить громкость музыки и убавить шипение, как со стороны окна доносилось “Я бы тоже хотела погромче, но давайте не будем устраивать дискотеку, вдруг кому-нибудь помешает!”. Это вещала Воздушная. Она сама же и притащила в кабинет этот маленький брызжащий магнитофон. Сейчас уже непонятно было, зачем. “Позитивная музыка расслабляет и настраивает на продуктивную деятельность”, – сказала она, вытаскивая его из коробки. И настроила позитивное радио. Все были так ей благодарны. Но недолго.

Всего их работало четверо в кабинете. Но с учетом постоянно звонящих телефонов, по два на каждого сотрудника, не считая мобильных, в кабинете всегда стоял шум как на фондовой бирже. Как тогда умудряются люди работать на настоящей бирже? Невозможно же слышать, что пытается сказать тебе клиент в трубку, когда несколько сотен человек пытаются перекричать тебя за твоей спиной? Наверное, приходит с практикой. Как и все в нашей жизни.

Она работает в “компании мечты” третий месяц. За это время она уже успела: стать самостоятельной единицей в штате, не ползающей с блокнотом за более опытными коллегами; почти привыкнуть к зеркальным стенам кабинетов; провести двое важных переговоров, на которых ей почти удалось притвориться лицом, принимающим решения; провалить одно из них, но выйти на удачный контракт на втором; заслужить последним пунктом доверие Главного; пережить дружбу с Воздушной и понять, что не все то золото, что блестит; поругаться с завхозом, не желающим предоставлять ей канцелярские товары правильной геометрической формы; пережить общую корпоративную тусовку с тремястами коллег, и понять на ней, что хоть они в офисе и являлись предметом ее нескончаемого восхищения и богами юриспруденции, но после четырех бокалов чего-угодно они ничем не отличались от ее прыщавых подростков-одноклассников; и ничего не пережить с Рыжей, соседкой по рабочему столу, поскольку та старательно избегала любых общих тем и мест обитания. И в особенности, совместного нахождения в кофейне.

Кофейня. Святое место. Там, во время утреннего кофе, сообщались все новости, прошедшие и грядущие, обсуждались все состояния от рыночной экономики до поведения заместителя на прошлой вечеринке. И если ты опоздала на восьмичасовой трамвай и приехала ровно к началу рабочего дня, пропустив заседание в кофейне, считай, день прошел зря. Ты не владеешь никакой ценной информацией. Тебе нечем удивить клиентов и руководителя во время послеобеденного совещания. Возможно, ты тоже попала под замес утренних новостей, но это не доказано. Поэтому остается только гадать на холодной кофейной гуще за рабочим столом.

Сложнее всего ей было примириться с тем, что рабочий процесс был сильно взаимосвязан с каждым из сотрудников в кабинете. И для того, чтобы довести дело до результата, который она, перекрикивая коллег и шипение магнитофона, обещала клиентам по телефону, ей приходилось каждый раз тормозить Рыжую. Мягко так, аккуратно, не превышая свои полномочия. А та не каждый раз проявляла доброжелательность. Наверное, имела место личная неприязнь, но ей не хотелось прослыть истеричкой в первые же месяцы работы, и в ход шли разные методы. Благо, что навык нахождения подхода к нужным ей людям в период ее взросления и бесконечных смен коллективов, у нее был отработан неплохо. Но эмоционально это было не всегда легко.

Так было и в этот раз. Рыжая сразу заявила ей, что к шестнадцати ноль ноль этот договор не проверит и не подпишет, так как у нее много *своей более важной* работы. Работа у них была общая. Но обещания у каждого свои. Четкость приоритетов – самое главное в любом деле.

Взгляд упал на маленькие цифры, разделенные двумя точками, в углу монитора. Пятнадцать сорок шесть. Она начала мысленно проговаривать оправдания, которые придется выдавать через четырнадцать минут, когда клиент появится у них в офисе и начнет обвинять на чем свет стоит и ее, и всю контору, и весь белый свет. Можно было пойти, конечно, к Главному, и попросить подписать его этот несчастный договор, но это означало бы предательство и измену Родине. На это решиться было слишком сложно.

Потому что ты трусиха. И тебе тут не место. Через четырнадцать минут об этом узнает весь офис.

Вдох-выдох.

Это не повод впадать в панику. Авось, клиент провалится где-нибудь в открытый люк на тротуаре и встреча отложится. С ним может случиться что угодно. А если не случится, есть шанс, что он будет так громко орать, что Рыжая услышит его на их третьем этаже и поторопится подписать документы. Надо проводить его на их этаж и сообщить ему о неготовности документов только там, а не на других, так больше шансов. А через семь минут можно еще раз попытаться уговорить Рыжую. Может она к вечеру станет добрее. Как бы невзначай предложить ей эклер. Да. Надо так сделать.

Взгляд на часы. Пятнадцать пятьдесят одна. Она почему-то попыталась вспомнить, что она сегодня ела, и ела ли вообще. Кофе утром. Эклер. Два эклера. Килограммы не уйдут никогда. Потом еще два кофе. Ледяная вода из кулера. Считается ли вода? И все. А может, и уйдут эти три килограмма. Не так вроде и много, в пересчете на целый день.

Подумав обо всем этом, ей снова захотелось кофе. Уйти в соседний парк с кружкой, посидеть там минут десять, вдыхая аромат свежесваренного эспрессо вперемешку с запахом августовской пыли после дождя, восстановиться, и снова в бой, как часто повторяет Воздушная. Она любит лозунги. Употребляет их постоянно. Но сама им почему-то не следует. Станный тип людей. Убежденный в том, что тот, кто повелевает, получает право на невыполнение. Его миссия, видимо, в донесении информации до тех, кто не просветлен. Вопрос в том, кто уполномочивает их, простых смертных на отдавание приказов другим простым смертным. Все мы братья и сестры. И никто нам ничего не должен. Этому вроде бы учит вера. И люди с максимальным уровнем самоорганизованности сами в состоянии определить направление своих действий для получения наибольшей результативности. Если их вдруг охватывает сомнение, они, как правило, не стыдятся спросить у более опытных сотоварищей о ходе их мышления. А те, кто таковым запасом организованности не обладает, вряд ли под призывом работать эффективно начнет работать эффективней. По крайней мере, ровно до того момента, пока внимание с них не будет переключено на что-нибудь другое. Тогда к чему лозунги?

Прогулка в парке сейчас была мечтой невыполнимой, но даже после ее визуализации на мгновение, встреча с клиентом уже не казалась настолько страшной. Визуализация и вправду обладает мощным терапевтическим эффектом. Доктор Вайс иногда прав.

***

В этот вечер она, как обычно, шла одна домой, перебирая мысленно те дела, которые не успела сегодня доделать и которые ей надо будет разгрести с утра в ущерб утреннему совещанию в кофейне. Заглянув в свой почтовый ящик, она обнаружила там письмо. Ей редко приходили письма. Если не считать счетов на оплату коммунальных услуг и рекламных буклетов. На конверте стоял штамп из клиники доктора Вайса.

Зачем он написал ей письмо? Он же мог просто позвонить.

Странно. Он никогда ей не писал.

В письме говорилось о благодарности за выбор их клиники, о промежуточных результатах терапии, очередной смене препаратов и о приближающихся сроках планового оперативного лечения.

... Оперативного?

Она что-то упустила? Когда? Зачем? Кто давал согласие? Почему, почему?

Что они собирались с ней делать? Нейрохирургия? Она была уверена, что ей помогут медикаментозно. И эти сеансы... Не было и речи об операциях. Или были? Может, она просто не разобрала терминов? Она иногда проваливается в себя и не понимает собеседников. Но доктора Вайса она слушает обычно внимательно. Да не было такого. Или было?

Она начала судорожно перебирать в памяти все их разговоры. Операция? Она не могла вспомнить ни одного оперативного способа лечения шизофрении, кроме лоботомии. Она видела картинки в детстве. И если она не ошибалась, этот способ вмешательства запретили в большинстве цивилизованных стран еще в прошлом веке.

Лоботомия.

Перед глазами встала картина белой палаты, кушетки с цепями и она с огромной дыркой в черепе. Без волос. Насильно открытые глаза. И кровь. Много крови. И она, не понимающая, что происходит вокруг. Человек-растение.

Ей стало дурно. Стены подъезда стали сужаться. Виски покрылись потом. Стук сердца отдавался в каждой части тела. Даже в кончиках пальцев. В подъезде заканчивался воздух, и она отчаянно пыталась вдохнуть последние остатки, но тяжесть сдавила грудь и не давала свободы грудной клетке. В голове стоял крик, но снаружи она оставалась тихой.

Ты псих! Хватит притворяться! Ты псих! Тебя надо лечить! Ты знаешь, что надо! Но они тебе не помогут! Тебе никто не поможет! Ты псих! Ты псих!

Десять, вдох, девять, выдох, восемь, вдох, семь, выдох, шесть, вдох, пять, выдох, четыре... три... два... один... снова... десять, вдох, девять, выдох...

—

Девушка, с вами все хорошо?

Замолчи хоть сейчас. Ты знаешь, что нет.

—

Девушка? Вам помочь?

Звук снаружи. Ей показалось, что кто-то задел ее за плечо. Ей понадобилось много времени, чтобы медленно открыть глаза, еще раз вдохнуть воздух, которого не было, и повернуть голову в сторону голоса. Хотя она знала, что он в ее голове. Звук был тот же самый. Один в один. Она всегда боялась, что к слуховым галлюцинациям прибавятся еще зрительные и тактильные, и это касание сейчас могло быть как раз тем, чего она больше всего боялась. Усугублением.

—

Давайте, я вам помогу? Вам плохо?

Он стоял прямо перед ней и смотрел ей в глаза. Предмет ее реального обожания. А не воображаемого. И без мусора на этот раз. А она без лепешки на губах. Накрашенная. Вроде бы. Но с приступом.

Она не могла говорить.

А он молчал ей в ответ. Только вопросительно смотрел. Но не уходил.

—

Я... мне...

—

Вы можете не отвечать, если вам тяжело. Давайте я вас провожу. Вам куда лучше – домой или в больницу? Я на машине, могу подвезти. Мне не трудно. Вы совсем бледная. Мы соседи. Не бойтесь меня. Я видел вас пару раз. Куда вас отвести?

Она молча посмотрела вглубь коридора в сторону лифта. Попыталась даже кивнуть в ту сторону. Не получилось. Голова была слишком тяжелой. Он понял.

Осторожно прикасаясь, он отодвинул ее от стены, к которой она припала в момент помутнения, обмазав свое черное длинное пальто свежей штукатуркой, аккуратно стряхнул белую пыль, поддерживая, приобнял за спину, и повел к лифту.

Лифт ожидал на их этаже и сразу же гостеприимно открыл двери. Он пропустил ее вперед, и полубоком, все также поддерживая за спину и второй рукой держа ее руку, они вошли. Факт его близости еще больше кружил ей голову, и она уже не совсем понимала, происходит ли это на самом деле или это просто ей мерещится. Но она чувствовала теплоту его рук. И его дыхание. Это было новым чувством. И все казалось очень реальным. Хотя зрительные галлюцинации всегда реальны, так говорил доктор Вайс.

–

Вы же вроде бы на двадцать втором этаже живёте?

Господи. Ну ты и дура. Уж лучше бы он считал тебя алкоголичкой, чем идиоткой. Как ему теперь объяснишь?

Она собрала все свои силы в кулак, подняла руку, нажала кнопку двадцать третьего этажа. Он снова вопросительно посмотрел на нее. Она, будучи не в состоянии объяснить, вздохнула, опустила глаза и облокотилась на него еще сильнее.

Письмо. Она вспомнила о письме. Главное, чтобы он не увидел его. Она не знала где оно, и у нее не было сил его искать. В руках его не было. Неужели она обронила его на площадке в момент приступа? Что тогда? Теперь все пропало. Все узнают. Никто не станет с ней общаться как прежде. Она не сможет вести образ жизни нормального человека, притворяться, как раньше.

Стены лифта снова стали куда-то съезжать.

Вернись. Вернись. Останови движение, вернись, найди письмо.

Она не могла вернуться вниз. Она не могла даже *его* попросить об этом. Ведь он был именно тем человеком, от которого ей в первую очередь хотелось бы скрыть, что она ненормальная. С таким, как он, она могла бы обрести душевное спокойствие, и именно он мог бы защитить ее от внутреннего зла.

Не сможет. Никто не сможет.

Даже сейчас, когда ее конечности похолодели от страха, от страха, что ее тайна обнаружится, стоя под его плечом, она чувствовала защиту. Его присутствие успокаивало ее и давало надежду, что она сможет когда-нибудь добраться до своей квартиры, спрятаться там от целого мира, и как-нибудь спасти ситуацию с письмом. Спасти себя. Как раньше. Как всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.